

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация

Исследуются ключевые особенности политических систем непризнанных республик. Помимо описания теоретического аспекта, приводятся внутренние и внешние факторы, определяющие уникальность непризнанных государств постсоветского пространства. Автором представлена роль этнополитических конфликтов в формировании непризнанных государств.

Ключевые слова: политические системы, непризнанные государства, постсоветское пространство, внешняя политика, этнополитика.

Автор

Семибоков Денис Александрович

Аспирант факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)



Современная история выдвигает для науки необходимость изучения политических систем непризнанных государств, так как это позволит определить не только причины их возникновения, но и даст возможность анализировать возможные последствия и варианты для взаимодействия, в рамках внешнеполитического государственного курса.

Вопросы теоретического обозначения особенностей политических систем непризнанных республик являются важными направлениями для исследования в политической науке. Существование различных подходов к пониманию проблемы непризнанных государств выявляют существующие противоречия и дают основу для дальнейшей научной дискуссии.

В качестве актуальных примеров в рамках статьи будут рассмотрены современные политико-территориальные образования с неопределенным статусом на территории постсоветского пространства, не исчезнувшие с поли-

тической карты мира в этом качестве ввиду признания или ликвидации. К ним относятся такие государства, как Республика Абхазия, Нагорно-Карабахская Республика, Приднестровская Молдавская Республика, Южная Осетия, Донецкая и Луганская Народные Республики.

Для выявления сравнительных характеристик политических систем непризнанных республик важен особого рода анализ, который позволит не только создать представление об указанном понятии и его ключевых особенностях, но и позволит понять, каким образом изучали данную проблему различные исследователи. Кроме того, для анализа феномена политических систем непризнанных государств видится уместным использование ряда классифицированных параметров, приведенного А.Г. Большаковым [5]. К ним относятся:

- история возникновения непризнанных государственных образований, описание этнополитических

- конфликтов, ведущих к их появлению;
- формирование государственности и хозяйственного комплекса непризнанных государственных образований;
 - особенности политического устройства непризнанных государств, степень их демократичности;
 - шансы для существования того или иного политико-государственного образования в качестве независимого государства;
 - заинтересованность и возможность внешних сил изменить или законсервировать статус непризнанного государственного образования.

В основе проблемы политических систем непризнанных государств А.Г. Большаков видел проблему конкурирующих принципов в международном праве: принципа права народов на самоопределение, а также принципа нерушимости государственных границ и территориальной целостности государств [5. — С. 84].

Говоря о бывших советских республиках с территориальными проблемами, А.Г. Большаков отмечает, что их до сих пор можно трактовать вовсе как так называемые несостоявшиеся государства с наличием ослабленного государственно-управленческого аппарата и коллапсирующей экономикой. Это можно объяснить тем, что распад СССР уже проходил в условиях общего экономического, внешнеполитического и демографического кризиса, оставив большинству из новообразованных государств целый ряд нерешенных проблем в этих сферах [6. — С. 64]. Несмотря на то, что данные положения прямо не относятся к вопросу формирования политических систем именно непризнанных республик, они во многом характеризуют ситуацию их возникновения.

По мнению А.Н. Сквозникова [10. — С. 8], огромное влияние на формирование политических систем непризнанных республик постсоветского

периода оказало падение Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений вместе с ее системой геополитических сдержек и противовесов, обеспечивавшейся существованием двух полюсов силы. Начиная с этого момента, наблюдалось резкое падение авторитета ООН, ее способности оказывать реальное влияние на возникающие повсеместно этнополитические конфликты. Это можно объяснить устаревшей системой организации ООН: неравным представительством государств, где игнорируется возросшая роль новых политических и экономических региональных центров, а также отсутствием адекватного реагирования на международные кризисы. Иначе говоря, сами по себе сепаратистские тенденции можно рассматривать через призму недостаточной эффективности международных и региональных институтов по регулированию конфликтов.

Некоторые исследователи выдвигают идею, что все непризнанные государства постсоветского пространства возникли в результате этнополитических конфликтов. Этнополитический конфликт при этом рассматривается как «столкновение субъектов политики в их стремлении реализовать свои интересы и ценности, связанные с достижением или перераспределением политической власти, определением ее символов, а также группового политического статуса и приоритетов государственной политики, в которых этнические различия становятся принципом политической мобилизации, и по крайней мере одним из субъектов является этническая группа» [2. — С. 25]. Подобные конфликты в большинстве своем играют роль катализатора в процессе образования политической системы политико-территориальных образований со спорным статусом.

В.Ф. Пряхин отмечает, что причину подобных конфликтов следует искать в исторической плоскости, так как большинство непризнанных государств так или иначе опирались либо на уже

существующее административное деление, сложившееся с течением времени, либо на исторические административно-территориальные единицы, существовавшие в прошлом. Именно на подобной основе формировались границы самопровозглашенных территорий [9. — С. 214]. Например, если территория Абхазии как непризнанного государства совпадает с одноименной административно-территориальной единицей Грузии, то основой Приднестровской Молдавской Республики в административном плане стала Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика, существовавшая с 1924 по 1940 г. в составе УССР.

В свою очередь, С.М. Маркедонов отмечает, что все конфликты на территории бывшего СССР имеют под собой насквозь историческую идеологическую основу и подоплеку [7. — С. 120].

Говоря о ходе эскалации данных конфликтов, уместно использовать поэтапный анализ, предложенный С.М. Маркедоновым на примере грузино-осетинского конфликта [8. — С. 48–50].

Идеологический этап включает обозначение претензий сторон друг к другу, а также формирование этнополитических мифологем.

Политико-правовой этап характеризуется законотворческим («статусным») противостоянием.

Военный этап представляет собой непосредственно вооруженную борьбу между отколовшейся самопровозглашенной территорией и государством-метрополией.

В качестве последствий подобных конфликтов, характерных для политических систем современных непризнанных государств, можно назвать отмеченную Д. Линчем [13. — С. 838] проблему беженцев и вынужденных переселенцев, когда на фоне конфликта происходит вынужденное или насильственное изменение национального состава непризнанного политико-территориального образования.

Следующий пункт по классификации А.Г. Большакова касается государственности и хозяйственной деятельности внутри политической системы непризнанной республики. Тут следует отметить, что данная деятельность сопряжена с целым рядом трудностей. Во-первых, ввиду отсутствия признания со стороны ряда государств, экономическая внешняя политика как таковая практически отсутствует, а без иностранных капиталовложений исследуемым политическим образованиям зачастую невозможно реализовывать инфраструктурные и сельскохозяйственные проекты, что, в свою очередь, приводит к отсутствию экономического развития как такового. Во-вторых, из-за вышеописанной проблемы активное развитие получает теневой сектор экономики, зачастую связанный с торговлей наркотиками, оружием и даже людьми (как это было, например, в Косово). В-третьих, даже при наличии необходимой инфраструктурной и хозяйственной базы самопровозглашенным политическим образованиям ввиду отсутствия международного признания практически невозможно найти выход на внешние рынки, а тем более — оказать принципиальное влияние на экономическое развитие своего региона. Тем не менее это не ставит крест на формировании локальной государственности и развитии хозяйства.

Так, Н. Касперсен выделяет три этапа становления государственности и, как следствие, формирования политической системы в современных непризнанных государствах [12. — С. 52].

Обеспечение непосредственного физического контроля определенной территории.

Обеспечение правительством монополии на насилие и создание собственных вооруженных сил для обороны своей территории (данный этап также включает в себя обеспечение населения базовыми социально-общественными и коммунальными услугами).

Укрепление авторитета власти, то есть обеспечение внутреннего суверенитета, базирующегося на доверии населения, иначе говоря — внутренняя легитимация власти.

Говоря об особенностях политических систем с точки зрения политического устройства непризнанных государств постсоветского пространства, необходимо отметить, что подавляющее большинство их правительств позиционирует себя как приверженных демократии и развитию общественных гражданских институтов в купе с уважением прав человека. Это связано с тем, что, начиная с 90-х гг. XX в., когда большинство авторитарных режимов перестали существовать, новым внутривнутриполитическим трендом стало поощрение процессов демократизации, позволявшим влиться в круг развитых западных держав. Однако не стоит игнорировать тот факт, что в большинстве случаев власть в подобных самопровозглашенных государствах концентрируется в руках силовиков или военных, «героев» этнополитических конфликтов, приведших к появлению подобных образований. Данный тип руководителей привык управлять по большей части авторитарными методами, особенно в условиях сложных внутри- и внешнеполитических условий. Поэтому, как отмечает Н. Касперсен, большинство непризнанных государств в своих политических системах стремятся к созданию «демократического фасада» для удовлетворения мировой общественности [12]. С другой же стороны, исследователь приводит противоположный аргумент, утверждая, что ввиду малочисленности населения непризнанных государств мнение каждого гражданина приобретает куда более значимый вес, чем в густонаселенных национальных государствах [12. — С. 93]. Это дает почву потенциальному развитию политического плюрализма и развитию гражданских институтов. Поэтому можно утверждать, что немалая часть правительств непризнанных

государств, внешне демонстрируя приверженность демократическим ценностям, являются полуавторитарными режимами при сохраняющемся потенциале демократического развития.

Г.И. Авцинова и А.И. Новицкая отмечают также частую слабость группировок и лиц, пришедших к власти в самопровозглашенных республиках, выраженную прежде всего отсутствием управленческого опыта [1. — С. 70]. Классический пример — первый президент Южной Осетии Л.А. Чибиров, бывший до начала конфликта публицистом и профессором.

Зачастую, по мнению Б.М. Ашавского и Е.В. Ананьевой, под заинтересованностью внешних сил изменить или законсервировать статус непризнанного политико-территориального образования скрывается проблема наличия страны-покровителя или отсутствия таковой [3. — С. 54–55]. Большинство самопровозглашенных территорий постсоветского пространства так или иначе подвержены влиянию государства, косвенно заинтересованного в существовании подобной самопровозглашенной территории и старающегося открыто или втайне поддерживать его существование. Подобная гуманитарная, экономическая и даже военная поддержка может быть вызвана различными причинами: от этнической общности с населением непризнанного государства до реализации определенных геополитических стратегических интересов.

Как отмечает Н. Касперсен, подобная помощь может вылиться во взаимозависимость государства-покровителя и самопровозглашенной территории [12. — С. 58]. С одной стороны, патронаж одного государства способен заменить непризнанному государству весь спектр внешнеполитических отношений с прочими странами и поставить вопрос о целесообразности его независимого существования как такового. С другой стороны, само государство, осуществляющее патронаж, может

стать жертвой излишней геополитической привязки к объекту покровительства, прекратить поддержку которого в одночасье будет невозможно без негативных внутри- и внешнеполитических последствий. Стоит, однако, упомянуть, что помимо национальных государств поддержку непризнанным политико-территориальным образованиям могут оказывать такие негосударственные акторы, как диаспоры (Нагорный Карабах и армянская диаспора) или же международные организации (гуманитарная помощь Абхазии и Приднестровью). Очень часто источником поддержки признания одного непризнанного государства может являться другое непризнанное политическое образование. Этим объясняет наличие такой организации, как UNPO (Организация непредставленных наций и народов), где рассматриваются проблемы непризнанных государств мира.

З.З. Бахтуридзе и М.Л. Лагутина отмечают еще одну особенность современных политических систем непризнанных государств. Она представляет собой этническую идентичность, связанную с территориальным аспектом. Данная идентичность пришла на смену «идеологическому вакууму» гражданской идентичности на постсоветском пространстве. В этом контексте центральным понятием является «своя земля», рассматриваемая как святыня, независимо от ее геополитической или экономической ценности. Лидеры самопровозглашенных республик акцентируют внимание как мирового сообщества, так и собственного населения именно на этом показателе государственности, оправдывая необходимость провозглашения независимости [4. — С. 125].

Совокупность внешних факторов, влияющих на сохраняющееся нестабильное состояние политических систем непризнанных республик, также зачастую рассматривается отдельно.

Прежде всего, следует отметить негативное влияние самих стран, под-

верженных сецессии — Молдавии, Грузии, Азербайджана и Украины. Их правительства не смогли привлечь ни население самопровозглашенных республик, ни их руководство возможными выгодами от восстановления разорванных политических и экономических связей, возможными реинтеграционными планами с равной выгодой для обеих сторон. Относительно возможного возобновления экономических отношений между самопровозглашенной территорией и государством-метрополией следует отметить определенную Д. Линчем дилемму, стоящую перед правительством последнего [13 — С. 844]. С одной стороны, можно возобновить подобные связи, как это сделало молдавское правительство в отношении Приднестровья, однако это не способствует ни политической разрядке между сторонами, ни прекращению приграничных таможенных стычек. С другой стороны, можно объявить экономическую блокаду сепаратистским регионам, как это сделали грузинское и азербайджанское правительства. В этом случае, несмотря на ухудшение экономического положения самопровозглашенных республик, их правительства получили дополнительный идеологический стимул к продолжению противостояния, а экономика непризнанных государств начала вставать на путь автаркии. Сам политический истеблишмент государств-метрополий чаще настроен либо на силовое разрешение вопроса с насильственной реинтеграцией сепаратистских областей, либо на достижение в ходе переговоров соглашений, ставящих позиции противоборствующих сторон в неравное положение. Как отмечает З.И. Чемурзиева, военно-политические требования и аргументы противоборствующих сторон начинают противоречить легитимным правовым установлениям [13 — С. 159]. При подобном «чрезвычайном положении» конфликтующие правительства требуют друг от друга беспрекословного

выполнения установленных норм права, параллельно взаимно их нарушая. Более того, в парламентах каждой из названных стран до сих пор присутствуют партии радикального толка, лидеры и парламентские представители которых поддерживают исключительно силовой метод разрешения конфликта.

Ряд исследователей в качестве особенностей политических систем современных непризнанных государств рассматривают их внешнеполитическое взаимодействие с Российской Федерацией. В общем плане Россия старается поддерживать необходимый баланс отношений со всеми странами ради сохранения благоприятных дипломатических связей со странами бывшего советского пространства. В то же время некоторыми политологами отмечается, что позиция России направлена на поддержание своего геополитического влияния в регионе. Упомянутые выше З.З. Бахтуридзе и М.Л. Лагутина говорят о том, что непризнанные государства постсоветского пространства являются своеобразным «плацдармом» России для восстановления своего влияния на постсоветском пространстве [4].

Наличие определенного поэтапного механизма формирования государственности, особенностей государственно-политического устройства, а также классифицированных характеристик типичного национального государства, влияющих на восприятие мировым сообществом самопровозглашенной территории, позволяют еще больше расширить диапазон возможных характеристик и особенностей того или иного непризнанного государства. Очевидно, что без какой-либо поддержки извне, будь то наличие госу-

дарства-покровителя или же помощь прочих негосударственных акторов, дальнейшее развитие самопровозглашенных территорий невозможно, равно как и их возможное признание мировым сообществом в будущем. Кроме того, можно говорить о наличии доминирующего конфликтного фактора образования непризнанных государств, характеризующегося дифференциацией и спецификой в каждом конкретном случае.

Непризнанные государства постсоветского пространства имеют ряд специфических особенностей, свойственных данному региону и характеризующих их образование и функционирование. Данные особенности можно условно поделить на внутренние и внешние. Вся совокупность внутренних особенностей заключается в сильной роли историко-идеологической составляющей внутренней и внешней политики данных самопровозглашенных образований, выливающейся в неуступчивость их правительств, милитаризацию общества при растущей тенденции к авторитарному управлению при наличии внешнего «демократического фасада», а также потенциально нестабильную внутривнутриполитическую обстановку. Внешними особенностями непризнанных государств постсоветского пространства являются влияние государств-метрополий, которое обычно имеет негативный характер, заинтересованность сторонних держав в развитии ситуации, а также степень вовлеченности Российской Федерации в происходящие события ввиду очевидного стремления нашей страны к сохранению геополитической позиции в регионе.

Литература

1. Авцинова Г.И., Новицкая А.А. Особенности функционирования непризнанных государств / Г.И. Авцинова, А.А. Новицкая // Наука и современность. — 2015. № 3. — С. 65–76.
2. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент / Аклаев А.Р. — М.: Дело, 2005. — 472 с.
3. Ашавский Б.М., Ананьева Е.В. Проблема признания государств // Международная жизнь. — Ноябрь 2009. — № 11. — С. 43–68.

4. *Бахтуридзе З.З., Лагутина М.Л.* Особенности формирования системы международных отношений на постсоветском пространстве: непризнанные государства / З.З. Бахтуридзе, М.Л. Лагутина // *Современные проблемы науки и образования*. — 2015. № 1–1. — С. 19–25.
5. *Большаков А.Г.* Непризнанные государства европейской периферии и пограничья // *Международные процессы*. — 2007. — № 3 (15). Сентябрь-декабрь. — С. 83–88.
6. *Большаков А.Г.* Российский интеграционный проект и несостоявшиеся государства постсоветского пространства / А.Г. Большаков // *Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология*. — 2014. № 4. — С. 63–67.
7. *Маркедонов С.М.* СНГ–2: непризнанные государства на постсоветском пространстве (к определению природы феномена) / С.М. Маркедонов // *Гуманитарная мысль Юга России*. — 2005. — № 1. — С. 118–126.
8. *Маркедонов С.М.* Турбулентная Евразия: межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства / Маркедонов С.М. — М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2010. — 258 с.
9. *Пряхин В.Ф.* Региональные конфликты на постсоветском пространстве (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Таджикистан) / Пряхин В.Ф. — М.: ООО «Издательство ГНОМ и Д», 2002. — 344 с.
10. *Сквозников А.Н.* Феномен непризнанных и частично признанных государств и особенности их правосубъектности / А.Н. Сквозников // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право*. — 2011. — № 2. — С. 3–12.
11. *Чемурзиева З.И.* Проблемы легитимации непризнанных государств на постсоветском пространстве: между правом и геополитикой / З.И. Чемурзиева // *Философия права*. — 2007. — № 3. — С. 158–161.
12. *Caspersen N., Stansfield G.* Unrecognized States in the international system // N. Caspersen, G. Stansfield. — Routledge, 2010. — 272 p.
13. *Lynch D.* Separatist states and Post-Soviet Conflicts / D. Lynch // *International Affairs*. — 2002. — Vol. 78, №4. — P. 831–848.